

СУЩНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ «НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Е. В. Саворская*

Традиционно, исследуя внешнюю политику того или иного государства, специалисты фокусируют свое внимание на международной обстановке и национальных интересах сторон, однако подобный подход не в полной мере соответствует задачам изучения внешней политики Европейского союза, который является примером уникальной в своем роде интеграции государств. Одним из современных подходов, стремящихся описать природу ЕС как актора мировой политики, выступает концепция «нормативной силы» Европейского союза, согласно которой «сила» ЕС заключается в способности изменять представления международного сообщества о «норме». Именно описанию особенностей концепции «нормативной силы» Европейского союза и посвящена настоящая статья. Принимая во внимание, что идея нормативности внешней (а в определенной степени и внутренней) политики ЕС — во многом «продукт» своего времени, автор описывает исторические предпосылки ее возникновения. Рассматриваются три подхода к пониманию данной концепции, анализируется соотношение понятий «нормативной» и «мягкой силы», а также сокрытые в данном подходе противоречия. В заключение определяются перспективы развития исследований, основанных на концепции «нормативной силы» Европейского союза.

Ключевые слова: внешняя политика Европейского союза, Европейский союз, «нормативная сила»

---

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1

Поступила в редакцию 05.08.2015 г.

doi: 10/5922/2074-9848-2015-4-5

© Саворская Е.В., 2015

Вот уже более десяти лет заметная часть европейских исследований посвящена изучению роли Европейского союза на международной арене. При оценке степени и способов воздействия ЕС на мировую политику необходимо учитывать его струк-

турные и концептуальные особенности, которые разительно отличают Евросоюз от классических государств вестфальского типа. Несмотря на расширение круга его возможностей и компетенций, ЕС остается объединением государств, добровольно передавших часть своего суверенитета на наднациональный уровень. Вступление в силу Лиссабонского договора не решило проблему единства и согласованности во внешней политике Европейского союза: увеличение числа задействованных в определении внешнеполитического курса акторов лишь усложнило переговорный процесс, и теперь требуется согласование позиции не только между государствами-членами и наднациональными институтами, но и между последними. Это обстоятельство продолжает накладывать ограничения на возможности Европейского союза в части внешней проекции своей «силы». Кроме того, учитывая сложности, с которыми Европейский союз сталкивается при пересмотре основополагающих договоров (и ярчайший пример здесь — провал переговоров о Евроконституции), весьма маловероятно, что в ближайшем будущем ЕС обретет достаточную степень институционального оформления и политической воли, чтобы оперировать наиболее радикальными инструментами «жесткой силы».

В этой связи возникает закономерный вопрос: коль скоро Европейский союз ограничен в выборе инструментов воздействия на мировую политику, каков характер «силы» ЕС?

Настоящая статья сфокусирована на изучении подходов к определению «силы» Европейского союза, при этом особое внимание уделяется концепции «нормативной силы» ЕС и ее критическому анализу. Для этого рассмотрены исторические предпосылки возникновения идеи о «нормативной силе» Европейского союза, приведены три подхода к ее пониманию, соотношение «нормативной силы» с иными формами «силы» и проанализированы основные противоречия, скрытые в данной концепции.

* * *

Зарубежными авторами было разработано множество терминов, призванных отразить особенности ЕС как международного актора и описать его «силу», как, например, концепции «гражданской силы» (civilian power) [16; 36], «нормативной силы» (*normative power*) [14; 22; 24], «тихой сверхдержавы» (quiet superpower) [30; 31], «мягкого империалиста» (soft imperialist) [20], «торговой силы» (trade power) [29], «ответственной силы» (responsible power) [6], «реалистической силы» (realist power) [39], «этической силы» (ethical power) [7], «прагматичной силы» (pragmatic power) [38], «рыночной силы» (market power) [13] и др. Характерной чертой всех этих концепций является представление о целостности Европейского союза как актора, но с некоторыми допущениями. Примечательно также, что большинство из этих исследований представляют собой скорее гипотезы и приглашение к обсуждению роли ЕС на международной арене, что говорит о стремлении определить

место Евросоюза в современной мирополитической системе, одновременно подчеркнув его уникальность.

Пожалуй, наиболее популярной из указанных идей можно назвать концепцию «нормативной силы» ЕС, согласно которой Европейский союз стремится оказывать влияние на представления иных международных акторов (прежде всего — государств) относительно ценностей и норм поведения как на международной арене, так и во внутренней политике. Именно эта концепция вызвала большое оживление в академических кругах и привела, как выразился Кристофер Бикертон, к целой веренице «прилагательных префиксов», описывающих природу ЕС [10, р. 4].

Необходимо понимать, что, как и многие иные политические концепции, концепция «нормативной силы» ЕС является продуктом реалий своего времени, а потому предлагаем остановиться на концепциях, ей предшествовавших, кратко описав условия, в которых они были сформированы.

В начале 1970-х гг., в период разрядки международной напряженности возникают первые дискуссии относительно потенциальной роли Европейского сообщества. Наиболее заметный вклад в обсуждение был внесен Франсуа Дюшеном, который сформулировал понятие «гражданской силы» Европы. Согласно этой концепции, Европейское сообщество стремится использовать не военные, а гражданские способы влияния на другие государства. При этом сама политика, базирующаяся на принципах коллективного действия и ответственности, общего социального равенства, толерантности и справедливости, направлена не только на конкретные цели, но в первую очередь на формирование благоприятной международной среды [17, р. 19—20]. Такое новое прочтение «силы» считалось в тот период весьма прогрессивным. В то же время было очевидно, что мировая политика тогда формировалась исходя из взаимоотношений двух сверхдержав, а потому ЕС не мог претендовать на то, чтобы стать ролевой моделью для других государств в краткосрочной перспективе.

Обострение отношений между СССР и США в 1980-е гг. привнесло свои коррективы в развитие идеи привлекательности «гражданской силы», на первый план вновь вышел политический реализм с его трактовкой «силы» государства. Согласно мнению австралийского реалиста Хедли Булла, концепция «гражданской силы» Европы содержала «противоречие терминов»: «прогрессивное мышление» 1970-х гг. базировалось на слабом фундаменте, так как «сила», которой обладало Европейское сообщество, основывалась на военной мощи государств-членов, а не самого Сообщества. Булл также полагал, что Европе следует в меньшей степени полагаться на поддержку США и стать более самодостаточной в вопросах обороны и безопасности [11, р. 150—153]. Впоследствии тренд на укрепление военной составляющей «силы» Европейского союза был оформлен Европейской политикой безопасности и обороны (ЕПБО) в 1999 г.

Распад Советского Союза и окончание холодной войны открыли новый этап развития дискуссии относительно регионального и гло-

бального статуса Европейского союза. Набивавший обороты процесс глобализации, помимо вопросов войны и мира, выдвинул на передний план в международной повестке дня такие проблемы, как соблюдение прав человека, экономическое равенство, продвижение демократии, гуманитарные интервенции, глобальные изменения климата и др. Все эти изменения позволили ЕС определить основные векторы собственной внешней политики, опираясь на международные этические нормы, заложенные в уставе Организации Объединенных Наций¹, и выстраивать ее сообразно целям поддержания демократических ценностей, защиты прав человека и «хорошего управления» (good governance) на глобальном уровне. С этого периода в европейских исследованиях начинает преобладать идея нормативности «силы» Европейского союза.

В 2002 г., в ответ на критику концепции «гражданской силы» Франсуа Дюшена австралийским реалистом Хедли Буллом датский политолог Иан Маннерс предлагает академическим кругам концепцию «нормативной силы», согласно которой «сила» Европейского союза заключается в «способности формировать представления о “норме” в международных отношениях» [22, р. 239]. И. Маннерс утверждал, что изменения, произошедшие с глобальной политикой с 1990-х гг., требуют пересмотра понятий «гражданской» и «военной силы», поскольку разделяемые этими понятиями базовые положения утратили актуальность с окончанием холодной войны [22, р. 236—238]. Таким образом, в основе сформулированной в русле либерально-идеалистической парадигмы концепции «нормативной силы» лежит отказ от тоталитаристских и государственно-центристских взглядов традиционных подходов, а значит, «сила» ЕС не может быть сведена к экономическим или военным ее составляющим, поскольку выражается через «идеи, мнения и совесть» [14, р. 175].

В то же время и это концептуальное направление не лишено определенных недостатков. В частности, центральным для концепции «нормативной силы» является тезис о «силе» идей, при этом их привлекательность рассматривается вне привязки к материальным стимулам. В этом и заключается сущностное отличие «нормативной силы» от ее предшественника — «гражданской силы», которая подразумевала взаимосвязь между материальными и нематериальными источниками «силы». И хотя такого допущения не было в первой статье, представившей концепцию, в более поздней работе 2009 г. И. Маннерс пишет о том, что на практике «нормативная сила» часто используется совместно с материальными стимулами или физическим принуждением [27]. Это обстоятельство ставит под вопрос внутреннюю согласованность и самобытность всей концепции.

Кроме того, среди исследователей не наблюдалось согласия относительно того, каким образом необходимо рассматривать «нормативную силу». В 2011 г. И. Маннерс систематизирует свое видение «норматив-

---

¹ Впоследствии, базируясь на этом положении, Лисбет Аггестам охарактеризовала Европейский союз на этом этапе развития как «этическую силу» [7].

ной силы» и выделяет три подхода к ее пониманию: с точки зрения нормативного подхода к международным отношениям (normative international theory), как формы «силы» актора и, наконец, как характеристики актора с точки зрения его международной идентичности [28]. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Первый подход подразумевает понимание того, что есть нормативный подход к международным отношениям. Согласно мнению американского политолога Молли Кокран, все теории международных отношений базируются на нормативном подходе в том смысле, что любой исследователь, даже придерживающийся позитивистского подхода и стремящийся проводить свое исследование при помощи методов, наиболее приближенных к естественно-научным, не может избежать нормативных предположений относительно того, почему его исследование имеет научную значимость, или какие данные наиболее важны для его работы, или как их интерпретировать [12, р. 1]. Рассмотрение «нормативной силы» Европейского союза с точки зрения нормативного подхода к международным отношениям, согласно мнению И. Маннерса, требует внимания к подобному рода предположениям; иными словами, необходимо учитывать, каким образом исследователь оценивает и оправдывает эти нормативные предположения, а также критически к ним относиться [28, р. 228]. И. Маннерс подчеркивает: чтобы наиболее полно раскрыть то, «чем Европейский союз является, что он делает и должен делать на международной арене», необходим более широкий и подходящий для современных условий подход, отвергающий «бездумный и некритический анализ», но стремящийся к «анализу и критической оценке нормативной силы ЕС в мировой политике» [25, р. 45—46].

Второй подход, выделенный И. Маннерсом, предлагает рассматривать «нормативную силу» в качестве особой формы «силы» актора мировой политики, при этом необходимо принимать во внимание, что в своем идеальном типе она не проявляется через материальные стимулы или физическое принуждение, но выражается в способности применять принцип нормативной оправданности действий (normative justification). Как отмечает И. Маннерс, данная форма «силы» близка по своим характеристикам к социальной «власти» (social power), для которой «власть» над кем-либо вторична по сравнению с *возможностью* воздействовать на поведение индивидов. Это отражается в такой ключевой характеристике «нормативной силы», как способности актора формулировать и применять нормативные принципы на международной арене в «нормативно устойчивой» (normatively sustainable) форме, т.е. нормативно объяснимой и оправданной для прочих акторов и устойчивой для будущих поколений [28, р. 230].

Третий подход основывается на понимании «нормативной силы» как характеристики актора мировой политики с точки зрения его международной идентичности. Иными словами, как отмечает И. Маннерс, речь идет о том, насколько каждый отдельно взятый актор мировой политики приблизился к «идеальному типу нормативной державы». Предполагается, что актор такого рода будет использовать идею о

«нормативной оправданности» действий для того, чтобы привить международному сообществу идею о том, что более справедливый и космополитный мир является «нормой», к которой необходимо стремиться [28, р. 232]. Этот тезис исключительно важен для концепции «нормативной силы», поскольку любое сильное государство способно оказывать влияние на представление о «нормальном» в международных отношениях, однако, если при этом государство не исходит из принципа «нормативной устойчивости», оно не может считаться «нормативной державой», так как применяет имперский подход, выстраивая свои взаимоотношения с внешним миром.

Несколько спорным и одновременно малоизученным аспектом концепции «нормативной силы» можно назвать вопрос о том, как «нормативная сила» соотносится с другими видами «силы», в первую очередь с введенной в научный оборот в начале 1990-х гг. американским ученым Джозефом Наем «мягкой силой», которую он противопоставил «жесткой» [32]. Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» — «способность влиять на других посредством сотрудничества в формировании программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов» [33, р. 20—21]². Интересное видение концепции «силы» Дж. Ная представлено в работе Николая Юдина, который, исходя из контекстно-ориентированного подхода, предлагает рассматривать «мягкую силу» в качестве «особой формы взаимодействия, отличительной чертой которой становится направленность на достижение долгосрочных стратегических целей путем косвенного, неявного воздействия на объект. Использование “мягкой силы” направлено на “санацию” окружающего государства пространства — минимизацию рисков появления непосредственных вызовов, масштабных угроз, требующих более затратного реагирования, применения “жесткой силы”» [5, с. 101]. В этом смысле может показаться, что по своей сути «нормативная сила» близка к «мягкой», однако, согласно убеждениям И. Маннерса и Т. Диеза, это не совсем так. Они отмечают, что «мягкая сила» является эмпирической концепцией, т. е. она — внешнеполитический инструмент, который может быть использован в том числе и для негативных целей. «Нормативная сила», напротив, представляет собой исключительно теоретическую концепцию, требующую понимания процессов социальной диффузии и нормативных практик, и не выступает внешнеполитическим инструментом, направленным на соблюдение национальных интересов [14, р. 179].

Этот тезис вызывает ряд вопросов. Коль скоро «нормативная сила» не является внешнеполитическим инструментом, распространение норм осуществляется иными методами, включая и «перенос» норм в процессе торговли, оказания финансовой и технической помощи или

---

² Здесь необходимо отметить, что концепция «мягкой» силы вызывает массу споров среди ученых-международников, поскольку содержит в себе ряд противоречий. Весьма подробно они рассмотрены в работе Н. В. Юдина «Жесткий взгляд на “мягкую силу”: критический анализ монографии Дж. Ная “Будущее власти”» [4].

посредством санкционной политики в отношении третьих стран [22, p. 245], а следовательно, не исключены ситуации, при которых негативные последствия для третьих сторон от применения экономических санкций не рассматриваются в качестве моральной преграды на пути достижения конечной цели — «привития» нужных норм поведения. Не вполне ясно, каким образом это соотносится с принципом «нормативной устойчивости» и где находится грань между «нормативной силой» и имперским подходом. Вызывает сомнения и тезис о том, что «нормативная сила» не направлена на соблюдение национальных интересов. Национальные интересы государства нельзя рассматривать в отрыве от ценностей и норм, поскольку, как отмечают Е. Б. Павлова и Т. А. Романова, «осознание интереса также исходит исключительно из мироощущения актора и его ценностей в конкретный момент» [2]. Таким образом, весьма опрометчиво отрицать наличие рациональной составляющей «нормативной силы».

Кроме того, по мнению И. Маннерса, термин «мягкая сила» был использован Дж. Наем в основном для описания внешней политики США, которая подразумевала комбинирование механизмов «мягкой» и «жесткой силы», что делает его не вполне пригодными для изучения Европейского союза [14, p. 179]. С исторической точки зрения дополнительным стимулом к популяризации концепции «нормативной силы» Европейского союза в научных и политических кругах стала односторонняя внешняя политика США при администрации Джорджа Буша после событий 11 сентября 2001 г. Европейский союз, в отличие от США, которые были склонны к применению военной силы, стремился использовать дипломатические средства при решении внешнеполитических споров, чем, по мнению сторонников данного подхода, заработал себе репутацию актора, уважающего нормы международного права. Таким образом, представления о «нормативной силе» Европейского союза были выстроены на противопоставлении ЕС как США, так и остальным акторам мировой политики. Согласно воззрениям сторонников концепции «нормативной силы», классические государства Вестфальского типа участвуют в процессе материальной конкуренции для достижения собственных целей. Европейский союз в силу своих особенностей, напротив, осуществил качественный переход на новый уровень взаимоотношений на международной арене и включился в ценностную конкуренцию с прочими субъектами за формирование благоприятной среды международных отношений. По сути, речь идет о своеобразном моральном превосходстве и идеализации Европейского союза как актора мировой политики, достигшего достаточного уровня развития для того, чтобы оценивать степень развитости своих партнеров на основе собственных представлений о «норме» и в случае необходимости оказывать на них влияние с целью «привития» недостающих до идеального типа качеств. Как и любой подход, основанный на позициях превосходства, идея о «нормативной силе» Европейского союза не может не вызывать непонимания у третьих сторон, и в первую очередь это проявляется во взаимоотношениях ЕС с Россией, которая не разделяет

взглядов ЕС относительно универсальности трактовки проецируемых им норм³.

Отдельного внимания заслуживает вопрос относительно происхождения «нормативной силы» Европейского союза; иными словами, делает ЕС «нормативной силой» то, чем он является, или то, какую политику проводит [22; 23]. Как отмечают британские авторы Томас Диез и Мишель Пейс, Европейский союз обладает характеристиками «нормативной силы» обоих типов: и как особой формы «силы», и как идентичности актора [15, p. 210—211].

Согласно мнению И. Маннерса, «нормативная сила» ЕС базируется на трех основаниях: на особом историческом опыте (имеется в виду, в первую очередь, наследие двух Мировых войн), на особом гибридном характере политического устройства и на политико-правовой природе ЕС [22, p. 240—241]. Эти три обстоятельства позволили государствам-членам объединить ключевые принципы и ценности под эгидой ЕС и обеспечить их соблюдение на национальном и наднациональном уровнях, что и сделало их «нормой» для Европейского союза. Общие для государств — членов ЕС ценности заложены в основополагающих договорах Евросоюза, которые и составляют основу его идентичности:

Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин⁴.

Более того, Европейский союз опирается на эти ценностные ориентиры на международной арене:

В своих отношениях с остальным миром Союз утверждает и продвигает свои ценности и интересы и содействует защите своих граждан. Он способствует миру, безопасности, устойчивому развитию планеты, солидарности и взаимному уважению народов, свободной и справедливой торговле, искоренению бедности и защите прав человека, в том числе прав ребенка, а также неукоснительному соблюдению и развитию международного права, особенно соблюдению принципов Устава Организации Объединенных Наций⁵.

Таким образом, Европейский союз выстраивает свои взаимоотношения с внешним миром, базируясь на «силе», легитимность⁶ которой, согласно воззрениям И. Маннерса, основана на этих фундаментальных принципах и ценностях [22, p. 244].

³ Подробнее о проблематике восприятия ЕС как «нормативной силы» в России см., например: [1—3].

⁴ *The Treaty on the Functioning of the European Union*, TFEU. P. 1. Art. 2.

⁵ *Ibid.* Art. 3.

⁶ Проблематика легитимности «нормативной силы» вызывает, пожалуй, самые жаркие споры между сторонниками и противниками этой концепции. Подробнее по этому вопросу см., например: [10].

Однако в теории и на практике в политике государства можно выявить противоречия между определенными ценностями, и как в таком случае приверженность одной из них может оправдывать пренебрежение другой? В этой связи встает вопрос приоритета ценностей и их трактовки. Европейский союз в настоящий момент исходит из приоритета прав человека над принципом национального суверенитета государств; иначе говоря, такой подход оставляет за ЕС право на вмешательство во внутренние дела государства в том случае, если в нем нарушаются базовые права человека, а поскольку подобная трактовка норм международного права не разделяется большинством государств, в частности Россией и Китаем, легитимность «нормативной силы» ЕС не может считаться абсолютной.

Можно оспорить и тезис о том, что «нормативная сила» присуща исключительно ЕС, поскольку перечисленные ценности заложены и в конституциях многих иных государств. Принимая во внимание это обстоятельство, можно говорить о том, что роль ЕС как актора, способного влиять на понятие «нормы» в международных отношениях, зиждется в таком случае лишь на особом историческом опыте и гибридном характере его политического устройства.

Необходимо отметить, что мнения относительно роли и значимости ЕС на международной арене серьезно разнятся среди европейских и неевропейских исследователей, причем заметная часть авторов из Европы склонна идеализировать природу ЕС. Особенно отчетливо это проявляется у сторонников концепции «нормативной силы». Проблема в этом случае кроется в том, что рассмотрение исследуемого объекта как «глобальной силы, выступающей за все хорошее», в своем роде воплощения основных ценностей, в которые верит автор, ограничивает его способность к критическому анализу привлекательности Евросоюза как примера для подражания. Кроме того, концепция «нормативной силы» предполагает *добровольное* желание прочих акторов перенять нормы и практики ЕС в условиях критической трансформации Вестфальской модели мира, что также воспринимается многими ее сторонниками как постулат, не требующий верификации. Представляется, что в вопросах идеализации роли Европейского союза на международной арене дальше всех зашел И. Маннерс, написавший в 2008 г.: «ЕС всегда был, есть и будет нормативной силой в мировой политике» [25, р. 45]. Подобное утверждение и вовсе переводит идею о «нормативной силе» Евросоюза в категорию идеологических концепций.

Тем не менее зарубежными авторами был проведен ряд исследований, призванных проверить аргумент относительно нормативности силы ЕС и его последовательности во внутренней и внешней политике. Результаты этих исследований не всегда однозначны и указывают на то, что при определенных обстоятельствах Евросоюз «теряет запал» [37, р. 114], отстаивая некоторые из норм, например права человека, которые, казалось бы, являются основной ценностью для «нормативной силы» ЕС [8; 9; 21]. Такого рода непоследовательность уменьшает убедительность «нормативной силы» ЕС, которая в реальности оказывается обусловленной политическими целями, средствами и обоснованиями, а следова-

тельно, степень ее потенциала варьируется в зависимости от проблемной области. Представляется, что «нормативная сила» Европейского союза наиболее значительна в областях, связанных с решением вопросов морального и этического характера, как, например, защита прав человека, содействие международному развитию, защита окружающей среды и борьба с глобальным изменением климата. Таким образом, будущее состоятельности Европейского союза как «нормативной державы» будет во многом зависеть от успехов по этим направлениям.

С другой стороны, не следует принимать самовосприятие или стремление Европейского союза быть «нормативным актором» за свершившийся факт. ЕС может позиционировать себя в качестве любой «силы», которой только пожелает, однако степень его влияния на международную среду будет зависеть от того, насколько этот образ разделяют прочие субъекты международных отношений. Как ни парадоксально, эта сфера исследований до сих пор остается малоизученной, в особенности европейскими авторами, несмотря на то, что внешнее восприятие и имидж государства являются весьма важными факторами внешней политики. Существует ряд исследований относительно внешнего восприятия ЕС в таких странах, как Россия, Китай, Бразилия, Индия и Япония, результаты которых говорят о том, что, хотя образ Евросоюза в этих государствах скорее положителен, так как не ассоциируется с использованием «жесткой силы», он в равной степени не ассоциируется и с «нормативной силой» [3; 18; 19; 34; 35]. То обстоятельство, что ЕС действует на международной арене так, будто его имидж соответствует его самовосприятию, способно привести к опасному когнитивному диссонансу, который негативно скажется на его отношениях с внешним миром. По всей видимости, для Европейского союза настал момент завершить стадию саморефлексии и определения своей роли как глобального актора и обратить больше внимания на мнение своих партнеров.

Что же касается перспектив самой концепции, то здесь необходимо отметить, что, несмотря на ее противоречивость и высокую степень идеализации предложенной формы «силы» ЕС, это концептуальное направление позволило по-новому взглянуть на природу Европейского союза и его роль в мировой политике, отразив такие важные аспекты, как целеполагания и сущностные основы проводимых ЕС политик. Не вызывает сомнения и то, что с учетом происходящих в мировой политике изменений это исследовательское направление далеко не исчерпано и в ближайшем будущем появится немало эмпирических и теоретических работ, отправной точкой для которых станет концепция «нормативной силы» Европейского союза. В то же время представляется, что дальнейшие исследования в этой области требуют более гибкого подхода к рассмотрению норм, а также критического осмысления не только реальных политических практик, но и исходных концептуальных основ идеи о «нормативной силе» ЕС.

Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2427.2014.6).

Список литературы

1. *Игумнова Л. О.* Критика нормативной силы Европы в России // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. С. 122—133.
2. *Павлова Е., Романова Т.* Идеиное соперничество или «треш-дискурс»? // Россия в глобальной политике. 2014. №3. С. 50—59.
3. *Романова Т. А.* Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2011. Вып. 1. С. 52—66.
4. *Юдин Н. В.* Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. №4. С. 134—163.
5. *Юдин Н. В.* Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. 2015. Т. 13, №2. С. 96—105.
6. *A Responsible Europe? Ethical Foundations of EU External Affairs* / H. Mayer, H. Vogt (eds). Basingstoke, 2006.
7. *Aggestam L.* Introduction: Ethical Power Europe? // International Affairs. 2008. Vol. 84, is. 1. P. 1—11.
8. *Bailes A. J. K.* The EU and a “Better World” // International Affairs. 2008. Vol. 84, is. 1. P. 115—130.
9. *Balfour R.* Principles of Democracy and Human Rights // Values and Principles in European Union Foreign Policy / S. Lucarelli, I. Manners (eds.). L., 2006. P. 114—130.
10. *Bickerton C. J.* Legitimacy Through Norms: The Political Limits to Europe’s Normative Power // Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives / R. Whitman (ed.). Basingstoke, 2011. P. 25—44.
11. *Bull H.* Civilian power Europe. A contradiction in terms? // Journal of Common Market Studies. 1982. Vol. 21, is. 2. P. 149—170.
12. *Cochran M.* Normative Theory in International Relations: A Pragmatic Approach. Cambridge, 1999.
13. *Damro C.* Market power Europe. Paper prepared for EUSA Biennial Conference. Boston, 2011.
14. *Diez T., Manners I.* Reflecting on Normative Power Europe // Power in World Politics / F. Berenskoetter, M. Williams (eds.). L., 2007. P. 173—88.
15. *Diez T., Pace M.* Normative Power Europe and Conflict Transformation // Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives / R. Whitman (ed.). Basingstoke, 2011. P. 210—225.
16. *Duchêne F.* Europe’s Role in World Peace // Europe Tomorrow: Sixteen Europeans Look Ahead / R. Mayne (ed.). L., 1972. P. 32—47.
17. *Duchêne F.* The European community and the uncertainties of interdependence // A nation writ large? Foreign-policy problems before the European community / M. Kohnstamm, W. Hager (eds.). L., 1973. P. 1—21.
18. *EU Foreign Policy in a Globalized World: Normative Power and Social Preferences* / Z. Laidi (ed.). L., 2008.
19. *European Foreign Affairs Review.* 2007. Vol. 12, is. 3.
20. *Hettne B., Söderbaum F.* Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and the Role of Interregionalism // European Foreign Affairs Review. 2005. Vol. 10, is. 4. P. 535—552.
21. *Lerch M., Schweltnus G.* Normative by Nature? The Role of Coherence in Justifying the EU’s External Human Rights Policy // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13, is. 2. P. 304—321.

22. *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40, is. 2. P. 235—258.

23. *Manners I.* The European Union as a normative power: A response to Thomas Dietz // Millennium: Journal of International Studies. 2006. Vol. 35, is. 1. P. 167—180.

24. *Manners I.* Normative Power Europe Reconsidered: Beyond the Crossroads // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13, is. 2. P. 182—199.

25. *Manners I.* The Normative Ethics of the European Union // International Affairs. 2008. Vol. 84, is. 1. P. 45—60.

26. *Manners I.* The EU's normative power in changing world politics // Normative power Europe in a changing world: A discussion (Clingendael European Papers No5) / G. Andre (ed.). Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2009.

27. *Manners I.* The Concept of Normative Power in World Politics // Danish Institute of International Studies Brief. Copenhagen, 2009.

28. *Manners I.* The European Union's Normative Power: Critical Perspectives and Perspectives on the Critical // Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives / R. Whitman (ed.). Basingstoke, 2011. P. 226—247.

29. *Meunier S., Nicolaidis K.* The European Union as a trade power // International relations and the European Union (4th ed.) / C. Hill, M. Smith (eds.). Oxford, 2005.

30. *Moravcsik A.* The Quiet Superpower // Newsweek, 17 June 2002. URL: <http://www.princeton.edu/~amoravcs/commentary.html> (accessed: 02.08.2015).

31. *Moravcsik A.* Europe is the New RoleModel for the World // Financial Times. 2004. 5 October. URL: <http://www.princeton.edu/~amoravcs/library/rifkin.pdf> (accessed: 02.08.2015).

32. *Nye J.* Bound to lead: The changing nature of American Power. N. Y., 1990.

33. *Nye J. S.* The future of power. N. Y., 2011.

34. *The Search for a European Identity: Values, Policies and Legitimacy of the European Union* / F. Cerutti, S. Lucarelli (eds.). L. ; N. Y., 2008.

35. *Wang Y.* The Identity Dilemmas of EU Normative Power: Observations from Chinese Traditional Culture // Normative Power Europe in Changing World: a Discussion / A. Gerrits (ed.). Netherlands Institute of International Relations, 2009.

36. *Whitman R.* From Civilian Power to Superpower? The International Identity of the European Union. L., 1998.

37. *Wood S.* The European Union: A Normative or Normal Power? // European Foreign Affairs Review. 2009. Vol. 14, is. 1. P. 113—128.

38. *Wood S.* Pragmatic power EUrope? // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46, is. 2. P. 242—261.

39. *Zimmermann H.* Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // Journal of Common Market Studies. 2007. Vol. 45, is. 4. P. 813—832.

Об авторе

Екатерина Владимировна Саворская, кандидат политических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: esavorskaya@gmail.com

THE CONCEPT OF THE EUROPEAN UNION'S NORMATIVE POWER

E. Savorskaya*

*Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

Submitted on August 05, 2015

Traditionally, studies into a state's foreign policy focus on the international situation and national interests of the parties. However, such approach does not completely conform to the objectives of studies into the foreign policy of the European Union – an example of unique integration of states. One of the modern approaches aimed to describe the nature of the EU as an actor in world politics is the concept of the EU's 'normative power' arguing that the 'power' of the EU lies in the ability to change the international community's idea of the 'norm'. The concept of the EU's 'normative power' is the focus of the article. The author describes the historical background of EU's foreign (and to a degree, domestic) policy, assuming that the policy is a 'product' of its time. The article examines three approaches to understanding these concepts and analyses the correlation between the 'normative' and 'soft power' as well as related contradictions. In conclusion, the author identifies prospects of studies into the concept of 'normative power' of the European Union.

Key words: foreign policy of the European Union, European Union, EU, 'normative power'

References

1. Igumnova, L.O. 2014, Kritika normativnoj sily Evropy v Rossii [Normative Power Europe Critique in Russia], *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Politologija. Religiovedenie»*, T. 7, p. 122–133.
2. Pavlova, E., Romanova, T. 2014, Idejnoe sopernichestvo ili «trash-diskurs»? [Ideological rivalry or “trash-discourse”?], *Rossija v global'noj politike*, no 3, p. 50–59.
3. Romanova, T.A. 2011, Evrosojuz kak normativnaja sila i problemy ee vospriyatija v Rossii kak bar'er na puti politiko-pravovogo sblizenija [European Union as a normative power and problems of perception in Russia as an obstacle for political and legal convergence], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Ser. 6, no. 1, p. 52–66.
4. Yudin, N.V. 2013, Zhestkij vzgljad na «mjagkuju silu»: kriticheskij analiz monografii Dzh. Naja «Budushhee vlasti» [Hard look at 'soft power': critical reflections on 'The Future Power' by Joseph S. Nye], *Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 4, p. 134–163.
5. Yudin, N.V. 2015, Sistemnoe prochtenie fenomena mjagkoj sily [A systemic approach to “soft power”]. *International Trends*, Vol. 13, no. 2, p.96–105.
6. Mayer, H., Vogt, H. (eds.), 2006, *A Responsible Europe? Ethical Foundations of EU External Affairs*, Basingstoke, Palgrave Macmillan.
7. Aggestam, L. 2008, Introduction: Ethical Power Europe? *International Affairs*, Vol. 84, no. 1, p. 1–11.
8. Bailes, A. J. K. 2008, The EU and a “Better World”, *International Affairs*, Vol. 84, no.1, p. 115–130.

9. Balfour, R. 2006, Principles of Democracy and Human Rights. In: Lucarelli, S., Manners, I. (eds.), *Values and Principles in European Union Foreign Policy*, London, p. 114–130.
10. Bickerton, C.J. 2011, Legitimacy Through Norms: The Political Limits to Europe's Normative Power. In: Whitman, R. (ed.), *Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, p. 25–44.
11. Bull, H. 1982, Civilian power Europe. A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*, Vol. 21, no. 2, p. 149–170.
12. Cochran, M. 1999, *Normative Theory in International Relations: A Pragmatic Approach*. Cambridge.
13. Damro, C. 2011, Market power Europe, *Paper prepared for EUSA Biennial Conference Boston, MA, USA, March 3–5, 2011*.
14. Diez, T., Manners, I. 2007, Reflecting on Normative Power Europe. In: Berenskoetter, F., Williams, M. (eds.), *Power in World Politics*. London, Routledge, p. 173–88.
15. Diez, T., Pace, M. 2011, Normative Power Europe and Conflict Transformation. In: Whitman, R. (ed.), *Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, p. 210–225.
16. Duchêne, F. 1972, Europe's Role in World Peace. In: Mayne, R. (ed.), *Europe Tomorrow: Sixteen Europeans Look Ahead*, London, Fontana, p. 32–47.
17. Duchêne, F. 1973, The European community and the uncertainties of interdependence. In: Kohnstamm, M., Hager, W. (eds.), *A nation writ large? Foreign-policy problems before the European community*, London, Macmillan, p. 1–21.
18. Laidi, Z. (ed.), 2008, *EU Foreign Policy in a Globalized World: Normative Power and Social Preferences*, London, Routledge.
19. *European Foreign Affairs Review*, 2007, Vol. 12, no. 3.
20. Hettne, B., Söderbaum, F. 2005, Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and the Role of Interregionalism, *European Foreign Affairs Review*, Vol. 10, no. 4, p. 535–552.
21. Lerch, M., Schweltnus, G. 2006, Normative by Nature? The Role of Coherence in Justifying the EU's External Human Rights Policy, *Journal of European Public Policy*, Vol. 13, no. 2, p. 304–321.
22. Manners, I. 2002, Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, Vol. 40, no. 2, p. 235–258.
23. Manners I. 2006a. The European Union as a normative power: A response to Thomas Dietz. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 35, is. 1, p. 167–180.
24. Manners I. 2006b. Normative Power Europe Reconsidered: Beyond the Crossroads. *Journal of European Public Policy*, vol. 13, is. 2, p. 182–199.
25. Manners, I. 2008, The Normative Ethics of the European Union, *International Affairs*, Vol. 84, no. 1, p. 45–60.
26. Manners, I. 2009a, The EU's normative power in changing world politics. In: Andre, G. (ed.). Normative power Europe in a changing world: A discussion, Clingendael, *European Papers*, no.5, Netherlands Institute of International Relations Clingendael, The Hague, Netherlands.
27. Manners, I. 2009b, The Concept of Normative Power in World Politics, *Danish Institute of International Studies Brief*, Copenhagen, Danish Institute of International Studies.
28. Manners, I. 2011. The European Union's Normative Power: Critical Perspectives and Perspectives on the Critical. In: Whitman, R. (ed.), *Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, p. 226–247.

29. Meunier, S., Nicolaidis, K. 2005, The European Union as a trade power. In: Hill, C., Smith, M. (eds.), *International relations and the European Union*, Oxford, Oxford University Press.
30. Moravcsik, A. 2002, The Quiet Superpower. *Newsweek*, 17 June, available at: <http://www.princeton.edu/~amoravcs/commentary.html> (accessed 02.08. 2015).
31. Moravcsik, A. 2004, Europe is the New RoleModel for the World, *Financial Times*, 5 October, available at: <http://www.princeton.edu/~amoravcs/library/rifkin.pdf> (accessed 02.08.2015).
32. Nye, J. 1990, *Bound to lead: The changing nature of American Power*, New York, Basic Books.
33. Nye, J. S. 2011, *The future of power*, New York, Public Affairs.
34. Cerutti, F., Lucarelli, S. (eds.), 2008, *The Search for a European Identity: Values, Policies and Legitimacy of the European Union*, London and New York, Routledge.
35. Wang, Y. 2009, The Identity Dilemmas of EU Normative Power: Observations from Chinese Traditional Culture. In: Gerrits, A. (ed.) *Normative Power Europe in Changing World: a Discussion*, The Hague, Netherlands Institute of International Relations.
36. Whitman, R. 1998, *From Civilian Power to Superpower? The International Identity of the European Union*, London, Macmillan.
37. Wood, S. 2009, The European Union: A Normative or Normal Power? *European Foreign Affairs Review*, Vol. 14, no. 1, p. 113–128.
38. Wood, S. 2011, Pragmatic power EUrope? *Cooperation and Conflict*. Vol. 46, no. 2, p. 242–261.
39. Zimmermann, H. 2007, Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession, *Journal of Common Market Studies*, Vol. 45, no. 4, p. 813–832.

About the author

Dr Ekaterina Savorskaya, Associate Professor, the Department of International Organisations and World Political Processes, Moscow State University, Russia.
E-mail: esavorskaya@gmail.com